

ДНЕВНИК К.И. ЧУКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ

В статье рассматриваются некоторые черты художественного своеобразия дневника К.И. Чуковского. Особое внимание уделяется характеристике ранних дневниковых записей, пространственно-временной организации дневника, средствам создания образов в дневнике.

Ключевые слова: дневник, К.И. Чуковский, индивидуация, хронотоп дневника, образ автора.

К.И. Чуковский вел свой дневник 69 лет (с 1901 по 1969 гг.). В течение такого большого отрезка времени многое подверглось изменениям: пройдя через все революции и войны, выпавшие на долю России в XX веке, пережив несколько литературных эпох, Чуковский отразил все эти события на страницах своего дневника. Однако менялись не только литературные эпохи, менялся сам К.И. Чуковский.

Так, в дневниках ранних лет совершенно отчетливо прослеживаются черты, присущие дневникам периода индивидуации¹. Дневники же сознательного возраста по классификации О.Г. Егорова можно отнести к типу дневников, продолжающих летопись жизни, начатую в раннем возрасте².

Ранние дневники К.И. Чуковского включают в себя все черты, типичные для дневников периода индивидуации.

Первым и центральным пунктом в психологическом развитии личности автора дневника является составление жизненного плана. Этот план мог представлять собой как развернутую программу с подробным описанием, так и краткое резюме, вытекающее из анализа своих действий. Для К.И. Чуковского характерен второй вариант. Так, например, он планирует подтянуть английский: «*К маю-июню научимся английские книги читать, лодку достанем. Май на лодке, июнь и вообще лето где-ниб. в глубинах Кавказа, денег бы насобирать и марш туда!*» [3, с. 21].

Вторым по значимости элементом процесса индивидуации, отраженным в дневнике, является круг чтения. Любой писатель, прежде чем стать таковым, должен сформировать свой собственный читательский вкус. Читательский опыт очень важен, именно он формирует систему оценки действительности, развивает способность к рефлексии. Самые подробные комментарии к прочитанным книгам можно наблюдать в дневниковых записях с 1901 г. по 1905 г. Это и есть период самоопределения Николая Корнейчукова, но еще не Корнея Ивановича Чуковского. В записях этих лет перед читателем разворачивается в первую очередь духовная жизнь юноши, происходит становление и формирование его взглядов на литературу, искусство и жизнь в целом.

В первые годы ведения на страницах дневника Николая Корнейчукова можно найти много записей с цитатами из прочитанных книг и комментариями к ним. Из

---

* © Кубайдулова А.Ю., 2015

Кубайдулова Айсулу Юрьевна (aysulukubaydulova@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

записей этих лет очевиден пристальный интерес юноши к творчеству Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, Г.И. Успенского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, т.е. интерес к писателям и критикам революционно-демократического и народнического направлений.

Важным в период индивидуации оказывается внимание Н. Корнейчукова к английскому языку и английской литературе. Среди первых дневниковых записей мы находим заметки о том, как молодой человек с усердием учит язык. А записи всего 1904 г. посвящены Лондону и жизни там. В эти годы Н. Корнейчуков читает множество произведений знаковых английских писателей и поэтов: У. Шекспира, У. Теккерея, О. Уайльда, О. Хаксли, Дж. Китса и др. В то же время юноша начинает переводить художественную литературу. В дневнике мы находим большие отрывки черновых вариантов его перевода Р. Браунинга, А. Суинберна. Эти первые попытки впоследствии перерастут в профессиональную переводческую деятельность, а также в теоретические работы о переводе.

Еще одна составляющая процесса индивидуации – это «создание образа наставника, собеседника, старшего товарища, который служил бы для автора дневника нравственным эталоном, образцом для подражания или мудрым советчиком» [2, с. 23]. В ранних дневниках Н. Корнейчукова в роли этого наставника-товарища предстает Владимир Евгеньевич Жаботинский, известный в литературных кругах Одессы под псевдонимом Altalena. В.Е. Жаботинский – писатель, переводчик, впоследствии один из основателей государства Израиль – начинал свой литературный путь как журналист в газетах «Одесский листок» и «Одесские новости». Жаботинский был немногим старше Чуковского, публикации первой статьи которого он активно способствовал. «Он ввел меня в литературу. <...> Он выслушал мои философские бредни и повел меня к Израилю Моисеевичу Хейфецу, редактору “Одесских новостей”, и убедил его напечатать отрывок из моей нескончаемой рукописи. Хейфец напечатал. Это случилось 6 октября 1901 г.» [4] – много позже вспоминал об этом событии в своем письме к Р.П. Марголиной К.И. Чуковский.

Для дневников периода индивидуации также характерно наличие свода нравственных принципов, которых автор стремится придерживаться, чтобы достичь желаемого идеала. К.И. Чуковский с юных лет определил для себя главный критерий морального разложения – безделье. В молодости он не выносил пустого и бессмысленного времяпрепровождения, поэтому всячески искоренял в себе леность: «Книжками освежиться нужно. Ведь я совсем-таки ничего не читаю. Все шатаюсь без толку туда-сюда. Плохо это. Обет на себя налагаю – работать. Работать, не выходя из дому. Заполнить весь день работой» [3, с. 67]. Многие современники указывали на поразительную трудоспособность К.И. Чуковского. Позже Евгений Чуковский вспоминал: «Корней Иванович бездельников не то что не любил – презирал. Он ни разу не отдыхал в том понимании – лежать днями на пляже. Обычно, закончив большую работу, еще усталый, через несколько дней садился за стол, писал. Иначе, говорил, скучно» [5, с. 295]. Всю жизнь страдая от мигреней и мучаясь бессонницами, К.И. Чуковский жалел каждый час, который отнимали у работы болезни.

Многие юные дневниковеды сопровождали создание системы нравственных норм беспощадной критикой собственных недостатков, а предполагаемый процесс нравственного совершенствования служил способом для их искоренения. Что касается К.И. Чуковского, то он был предельно самокритичен не только в юности, эту свою черту литератор сохранял в течение всей своей жизни.

Следующей отличительной чертой жанровой структуры дневника как художественного целого является его пространственно-временная организация. Хронотоп играет в дневнике важную роль. Дневниковая запись, как правило, начинается с указания

даты, а иногда и с указания места. Главная отличительная особенность дневника — ведение записей в хронологическом порядке. Однако следует отметить, что в дневнике К.И. Чуковского мы можем встретить нетипичную для данного жанра ретроспекцию, что во многом объясняется особым рефлексивным мышлением автора.

«Классический дневник представляет собою последовательный ряд подневных записей, в которых отражаются текущие события из жизни автора, его близких и знакомых. Автор стремится зафиксировать в дневнике наиболее значимые факты, свидетелем и участником которых он был. Время в таких случаях ограничивается прожитым днем, а пространство — тем сегментом действительности, в котором автор или кто-то из фигурирующих в записи людей присутствует физически» [2, с. 43]. Хронотоп такого типа, встречающийся в большинстве дневников, в том числе в дневнике К.И. Чуковского, О.Г. Егоров называет локальным.

Среди ряда датированных записей в дневнике выделяются и могут служить вехами повторяющиеся из года в год праздники или знаменательные семейные события. Так, несмотря на то, что в разные годы записи в дневник К.И. Чуковский делает с разной степенью частоты, почти всегда есть запись в новогоднюю ночь (как правило, это подведение итогов предыдущего года или построение планов на грядущий). В то же время едва ли не каждый год можно найти записи, описывающие празднования дней рождений самого Чуковского и его детей. Например, запись от 24 марта 1919 г.: «Лидкино рождение. Она готовилась к этому дню две недели и заразила всех нас. Ей сказали, что она родилась только в 11 часов дня. — Я побегу в гимназию, и когда Женя мне скажет, что без пяти одиннадцать, начну рождаться. Колька сочинил оду. Боба — чашку. Я — Всеволода Соловьева, мама — часы. Будет белый крендель из последней муки» [3, с. 244].

Однако в дневнике Чуковского мы можем встретить, в соответствии с классификацией О.Г. Егорова, так называемый континуальный хронотоп [2, с. 44], когда время и пространство выходят за рамки «здесь» и «теперь». Ярким примером могут служить дневники Чуковского 10-х гг. Это время тотальных изменений, и Чуковский в своих подневных записях стремится к максимальному охвату событиями, в том числе и тех, свидетелем которых он сам не был: «Совсем не сплю. И вторую ночь читаю «Красное и черное» Стендаля, толстые 2-томные роман, упоительны. <...> через пять минут жена сказала о демонстрации большевиков, произведенной в Петрограде вчера» [3, с. 209].

Особое внимание следует уделить специфическим средствам создания образов, которые выработал дневниковый жанр. «Образ в дневнике не является фотографически точным отражением оригинала. Он содержит в себе отношение автора, в котором всегда имеется элемент субъективности. К тому же образ в дневнике не статичен, он может обогащаться содержательно. Если писатель раскрывает образ для читателя, то автор дневника открывает его в первую очередь для себя» [2, с. 69].

Дневник Чуковского знаменит своими «портретами». В предисловии к дневнику Вениамин Каверин пишет: «Легко рассказать об этой книге, как о портретной галерее. <...> Одни выписаны подробно — Репин, Горький, — другие бегло. Но и те и другие с безошибочной меткостью. И эта меткость — не визуальная, хотя внешность, походка, манера говорить, манера держаться — ничего не упущено в любом оживающем перед вами портрете. Это — меткость психологическая...» [3, с. 8]. Что касается механизма создания столь ярких и психологически точных портретов, то К.И. Чуковский, согласно классификации О.Г. Егорова, пользуется в основном конструктивным³ приемом. Так, например, в дневнике создается образ А.А. Блока, который выписан очень подробно. Работая с Блоком не один год, поддерживая с ним дружбу, Чуковский в записях разных лет добавляет какие-то детали, с помощью которых

постепенно, путем нанизывания, и складывается цельный образ поэта. С помощью этого приема также выписаны образы В.В. Маяковского, И.Е. Репина, М. Горького и др. Гораздо реже при создании образов в своем дневнике К.И. Чуковский прибегает к репродуктивному приему⁴. Так, не будучи знакомым с Л.Н. Толстым, Чуковский создает в дневнике его образ путем фиксации рассказов и воспоминаний о нем И.Е. Репина и М. Горького. По такому же принципу строится образ князя П.А. Кропоткина, только к сложившемуся в обществе представлению о нем Чуковский добавляет свои впечатления от знакомства и общения с известным анархистом.

Особое место в образной системе дневника занимает образ автора. Его своеобразие заключается в том, что автор в дневнике одновременно является и субъектом, и объектом повествования. Образ автора в дневнике К.И. Чуковского имеет характеристики условно-объективного типа⁵. Дневник литератора отражает трансформацию его мировоззрения, убеждений, взглядов на фоне событий современной ему действительности.

Важное значение в создании условно-объективного образа автора играет его реалистический взгляд на свою роль в происходящем, способность трезво оценить меру своего влияния на ход события. «Для авторов данной группы дневников участие в событии не является поводом рассказывать о себе или смотреть на событие с позиции главного судьи» [2, с. 81]. К.И. Чуковский изображает, как правило, только те черты своего характера, которые проявляются в моменты контактов с участниками событий, описываемых в дневнике. Таким образом, внутренний мир и некоторые свойства личности Чуковского могли так и остаться до конца не выраженными ввиду вовлеченности условно-объективного образа автора в события внешнего мира.

С образом автора в повествовательном пространстве дневника связан вопрос о типологии дневниковых записей. Дневник К.И. Чуковского, согласно классификации О.Г. Егорова, следует относить к переходящему типу⁶. Несмотря на то что большую часть дневниковых записей К.И. Чуковского можно классифицировать как экстравертивные, нельзя пройти мимо очевидного отклонения в сторону интровертивного типа в записях первых лет, что объясняется юным возрастом дневниковеда. Николай Корнейчуков поверял бумаге свои любовные переживания, душевные страдания и стыд по причине незаконности своего происхождения, проблему национальной самоидентификации («Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) — был самым нецельным, непростым человеком на земле» [6, с. 209]). Действительно, будучи этническим евреем, проведя детство в Одессе и реализовав себя в русской литературе, Чуковский всю жизнь находился в поиске равновесия, некоего баланса. Таким образом, дневник К.И. Чуковского принадлежит тому типу дневниковых повествований, в которых происходит соединение экстравертивных и интровертивных авторских стратегий.

В заключение следует отметить, что дневник К.И. Чуковского не изучен в достаточной мере — это объясняется его внушительными объемами и тем фактом, что долгое время рукописные тетради не издавались, а первые издания дневника были подвергнуты жесткой цензуре и вышли в свет с купюрами. В данной статье предпринята попытка обнаружить некоторые черты художественного своеобразия дневника К.И. Чуковского, что должно помочь в его дальнейшем изучении.

Примечания

¹ Индивидуация — основное понятие аналитической психологии К.Г. Юнга, означающее процесс становления личности, такого ее психологического развития, при котором реализуются индивидуальные задатки и уникальные особенности человека. В статье «Сознание,

бессознательное и индивидуация» Юнг пишет: «Я использую выражение “индивидуация” в следующем смысле: это есть процесс, порождающий психологического “индивида”, т. е. обособленное, нечленимое единство, некую целостность» [1, с. 224].

² Дневники рубежа двух жизненных эпох и зрелого психологического возраста [2, с. 29].

³ Прием последовательного создания образа, путем прибавления черт характера, жизненных обстоятельств, поступков, характеристик других лиц и т. д. Созданные таким приемом образы раскрываются во временной последовательности [2, с. 69].

⁴ Прием, при котором образ автором дневника не строится, а воспроизводится со слов других. Личная оценка автора лишь дополняет бытующее в обществе мнение о человеке. [2, с. 72].

⁵ «Он стремится быть объективным в отношении себя в такой же степени, как и в отношении других лиц» [2, с. 81].

⁶ Дневник с меняющейся типологией: как правило, смена интровертивного типа на экстравертивный [2, с. 92].

Библиографический список

1. Юнг К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // Зарубежный психоанализ: учебное пособие / сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. СПб.: Изд-во «Питер», 2001. С. 224–242.
2. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М.: Флинта, Наука, 2011. 288 с.
3. Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. М.: Изд-во «ПРОЗАиК», 2011. 592 с.
4. Чуковский и Жаботинский: история взаимоотношений в текстах и комментариях. / сост. Евг. Иванова. URL: http://www.uhlib.ru/istorija/chizh_chukovskii_i_zhabotinskii/p2.php#n_10 (дата обращения: 15.08.2015).
5. Воспоминания о Корнее Чуковском / сост. и коммент. Е.Ц. Чуковской, Е.В. Иванова. М.: Никая, 2012. 512 с: ил.
6. Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 2: 1922–1935 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: Изд-во «ПРОЗАиК», 2011. 656 с.

References

1. Jung C.G. Consciousness, unconsciousness and individuation in *Foreign psychoanalysis: textbook*. V.M. Leybina (Ed.). SPb., Izd-vo «Piter», 2001, pp. 224–242 [in Russian].
2. Egorov O.G. Russian literary diary of the XIX century. History and theory of genre. M., Flinta, Nauka, 2011, 288 p. [in Russian].
3. Chukovsky K.I. Diary: In 3 volumes. Vol. 1: 1901–1921. Compile, text processing and commentaries by E. Chukovskaya; preface by V. Kaverin. M., Izd-vo «PROZAIK», 2011, 592 p. [in Russian].
4. Chukovsky and Jabotinsky: history of relationship in texts and commentaries. Retrieved from: http://www.uhlib.ru/istorija/chizh_chukovskii_i_zhabotinskii/p2.php#n_10 (accessed 15.08.2015) [in Russian].
5. Memories of Korney Chukovsky. Compilers and commentaries by E.Ts. Chukovskaya, E.V. Ivanova. M., Nikeia, 2012, 512 p.: illustrated [in Russian].
6. Chukovsky K.I. Diary: In 3 volumes. Vol. 2: 1922–1935. Compile, text processing and commentaries by E. Chukovskaya. M., Izd-vo «PROZAIK», 2011, 656 p. [in Russian].

A. Yu. Kubaydulova*

**K.I. CHUKOVSKY'S DIARY:
ON THE ISSUE ABOUT ARTISTIC ORIGINALITY**

The article describes the artistic originality of Chukovsky's diary. Special attention is given to the characteristic of his early notes, to spatio-temporal organization of the diary, to methods of creating images in the diary.

Key words: diary, K.I. Chukovsky, individuation, spatio-temporal organization of the diary, image of author.

Статья поступила в редакцию 25/VIII/2015.
The article received 25/VIII/2015.

---

* *Kubaydulova Aysulu Yurievna* (aysulukubaydulova@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and PR, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.